

Е. Фрадкина

“Одно свиное отбивное!..”

Опубликовано в журнале Нева, номер 3, 2003

— Часа через два к нам приедет в гости Моня Табачников с женой. — С этими словами Утесов выходит на кухню, где мы с Эдит, его дочерью и моей двоюродной тетушкой, пьем чай и сплетничаем. Главным образом о любви.

Дита всегда мне говорит: “Ты в меня, а не в свою маму. Тоже влюбчивая”. Но сейчас не до любви. В ужасе взглянув на отца большими красивыми глазами, Дита спрашивает:

— А чем мы их угощать будем? У Маши выходной, она к сестре уехала.

Машенька — утесовская домработница, и без нее в доме ничего не крутится.

— Ну, не знаю, — пожимает плечами мэтр отечественной эстрады. — В холодильнике должно что-то быть. У твоей мамы всегда бы нашлось чем угостить.

Его покойная жена, Елена Осиповна, отличалась от дочери хозяйственностью и домовитостью и, хотя в доме всегда жили домработницы, за все хваталась сама. Возможно, еще бы и пожила, если бы, лежа дома после инфаркта, не вскочила с постели вытереть пыль.

Что до Диточки, то она из всех домашних дел любит только штопать носки и поднимать петли на чулках. И делает это с великим рвением: ей кажется, что таким образом она экономит деньги. Вообще экономия — ее пунктик. Боится умереть в бедности.

— Диточка, нам на десять жизней хватит, — пытается успокоить ее отец.

— Нет, папа, у нас расходы превышают поступления. Вот увидишь, мы умрем в нищете.

— Что ты такое говоришь! Вот смотри, у тебя на пальчике кольцо — это же целая дача! Я имею в виду, если его продать...

Споры эти повторяются постоянно. При тете Лене был полон дом гостей, вечно жили какие-то люди, и Утесов никогда не мог воспользоваться собственным кабинетом: там всегда кто-то спал. Сейчас все иначе, и этому великому рассказчику и артисту не хватает слушателей...

Однако теперь положение серьезное, скоро придут гости, и надо выручать хозяйку дома. Она с безнадежным видом заглядывает в холодильник.

— Маша оставила нам обед, но не будешь же угощать Табачниковых бульоном и котлетами с макаронами, тем более что на всех не хватит, — говорит Эдит.

— И в магазин уже не успеть, — замечаю я. — А посмотри, есть там яйца, лук и сыр?

— Да, есть. Сыр, правда, немного засох. А что? — с надеждой смотрит на меня тетушка.

— Сейчас сделаем луковый салат, меня недавно научили. А сыр натрем, так что неважно, что не первой свежести. Майонез есть?

— Есть! — радостно отвечает Эдит.

— Прекрасно. И картошку спечем в духовке. Ага, есть, — говорю я, исследовав содержимое ящика, где Маша хранит овощи.

— Ну, вот и хорошо, — заключает дядя Ледя. — А я пойду поищу свои новые стихи, Моне почитать.

— Мало того, что ты ими нас замучил, ты еще бедного Табачникова будешь изводить, — ужасается Эдит.

— Белинский! — уничтожающе смотрит на дочь Утесов и, прихватив свежие газеты, удаляется “к себе” — через площадку, в свою квартиру.

Работа кипит. Я, заливаясь слезами, режу лук и окатываю его кипятком. Дита трет сыр на терке. На плите булькает кастрюлька с яйцами.

— А Ритка Табачникова только что из Парижа вернулась, — сообщает Дита. — Описала мне его с помощью всего двух фраз. Я спрашиваю: “Ну, как тебе Париж?” А она отвечает — знаешь, еще и картавит: “Собор-р Пар-рижской богоматери — ё... твою мать! Елисейские поля — уср-ратья можно! Эйфелева башня — ё... твою мать! Площадь Согласия — уср-ратья можно!” Ну, и так далее.

— Что-то все твои подружки зачастили в Париж, пора бы и тебе. Вот Эля недавно тоже съездила.

— Да я там была в детстве, — отмахивается Эдит. — Папа же оттуда и идею джаза вывез. А Элька — совсем дурочка.

Эля — жена государственного чиновника весьма высокого ранга, кажется, в сфере международной торговли. Очень элегантная дама, помешанная на тряпках.

— Элька ко мне заявила, вся в розовом: платье розовое, туфли розовые, шляпка, перчатки, даже очки — и то розовые. Уселась в картинной позе и говорит: “Дама в розовом”. Совсем дуреха. А знаешь, как она там шерсть покупала?

— Нет, расскажи, — прошу я, разрезая пополам чисто вымытые картофелины. — Вот тебе сливочное масло, мажь половинки — и на противень. А то время поджигает.

— Ладно. Много масла уйдет, — о сожалении замечает тетушка.

— Мажь, мажь, иначе невкусно будет, — безжалостно говорю я. — Так что там с шерстью?

— Элька же любит вязать, а там шерсть хорошая. Приходит в Париже в магазин, а по-французски — ни бум-бум. Просит показать шерсть, продавщица не понимает. Тогда Эля говорит, чтоб той стало понятно: “Мне нужна шёрсть — понимаете, шёрсть!”

Отсмеявшись, ставим картошку в духовку и начинаем соображать, что бы еще такое подать гостям. Тяжело вздохнув, Дита вытаскивает из холодильника банку сардин.

— А там еще семга была, — заявляет внезапно появившийся на пороге дядя Ледя. — Я вспомнил, в заказе принесли. Моня к нам не каждый день приходит.

— Искал бы лучше свои стихи! — в сердцах советует Дита.

— А я уже нашел. Почитать?

— Нет! — в ужасе восклицает его дочь, уже много раз их слышавшая. И нехотя достает семгу.

— Ну вот, теперь нормальный прием получается, — удовлетворенно заключаю я и иду в гостиную накрывать на стол. Из кухни доносятся отзвуки последних боев за коробку шоколадных конфет, коих в доме всегда в избытке: зная слабость патриарха эстрады к сладкому, ему всегда дарят шикарные коробки шоколада.

Со стены на меня укоризненно взирает двойник Эдит, только помоложе. Это парадный портрет кисти Лактионова. На нем изображена тетушка в вечернем декольтированном платье, в полный рост.

Пировать будем на овальном столике карельской березы. Тут прелестный гарнитур, кроме столика, в него входят кресла и диванчик. Все ручки — в виде длинных лебединых шей с красивыми головками.

Скоро раздастся звонок, и появляется известный композитор Модест Табачников с женой. Очень милый, шумный и приветливый. Садимся за стол.

— У нас сегодня прием по-студенчески, — оправдывается Эдит. — Ленка спекла картошку и сделала луковый салат, как у них на междусобойчиках.

— О! — восклицает Модест, отведав салат. — Как вкусно! Беру в свой гарем!

Под коньячок беседа течет плавно, сыплются анекдоты, смешные истории, вспоминаются общие знакомые.

— А как там Покрасс поживает? — спрашивает дядя Ледя.

— Да нормально. Работает, — отвечает Табачников.

— А его знаменитая мама жива?

— Да, ей недавно сделали операцию: у нее геморрой, — вмешивается в разговор Рита Табачникова.

— Я слышала, — оживляется Эдит. — Ей нельзя было после операции есть, а она орала на всю больницу с хорошим одесским акцентом: “Фашь-шисты! Я хочу куш-шять! Дайте мне покуш-шять!”

— У Покрассов же был родственник в Америке, знаменитый композитор Самуил Покрасс, ну, который написал музыку к фильму “Три мушкетера”. Так вот, он умер, наследников в Америке нет, и собрался семейный совет. Решали, как поступить с наследством. “Там же ноты, — сказал престарелый дядя. — Они написаны по-английски, кто же их переведет?” — “Поц! — воскликнула мама Покрасса. — „Си” — у во всем мире „си”!”

Потом Табачников взял в руки гитару, и дядя Ледя спел романс “Пара гнедых”. И, окончательно развеселившись, изобразил подгулявшего клиента в ресторане, который кричит официанту (им был Табачников):

— Человек! Одно свиное отбивное!

Когда гости ушли, мы еще долго сидели за столиком с ножками в виде лебедей, и дядя Ледя, у которого от общения резко повысился тонус, фонтанировал и сверкал, как фейерверк. Потом вдруг потух и спросил:

— А фрукта какая-нибудь есть?

— Нет, последний апельсин Ритка съела, — сообщила Дита.

— Ну ладно. Эх, сейчас бы одно свиное отбивное! — печально изрек маэстро и принялся доедать остывшую печеную картошку.